

АЛТАЙСКАЯ РУСЬ

Историко-этнографическій очеркъ.

1.

Величайшая сибирская гора, нѣкогда получившая тюркское имя „Алтай“, т. е. Золотая гора, занимает площадь около полу-милліона квадратныхъ верстѣ. Представляя собою естественную стѣну между двумя колоссальными странами, Китаемъ и Сибирью, центромъ своимъ она имѣетъ наиболѣе высокій пунктъ, ледниковую гору Бѣлуху, возвышающуюся надъ уровнемъ моря на 14 тысячъ футовъ.

Бѣлуха, какъ корона могучаго царя Алтая, находится въ странѣ заоблачной и очень рѣдко сбрасываетъ съ себя пушистую фату тумановъ. На ея вершинѣ никогда не бывала нога человѣка. Только отважный путешественникъ Сапожниковъ дерзнулъ коснуться ея холодныхъ плечъ, но до вершины и снѣ не могъ достигнуть. На площади въ нѣсколько десятковъ верстѣ тамъ происходитъ своеобразная стихійная жизнь. Тамъ дуютъ снѣжные метели, когда далеко внизу цвѣтутъ луга, гремятъ громы, когда на небѣ нѣтъ ни облачка, тамъ рушатся цѣлые утесы льдовъ, шумятъ водопады, и самыя горныя скалы, какъ живыя, передвигаются съ мѣста на мѣсто.

У подножія Бѣлухи рождаются главныя водныя артеріи, образующія на сѣверныхъ степныхъ равнинахъ многоводную Обь. Огромный ледникъ Бѣлухи рождаетъ красавицу Катунь, а юго-восточные отроги горнаго узла Табынъ-Богда-

Ола, вдавшіеся въ предѣлы Китая, даютъ начало большой горной рѣкѣ Бухтармѣ.

Принявъ въ себя десятки малыхъ рѣкъ, Бухтарма, послѣ доброй сотни верстъ своего теченія, сливается съ красивой и бурной рѣкою Берелью, дочерью южнаго подола Бѣлухи. Отсюда Бухтарма прокладываетъ свой путь мимо колоссальнаго Алтайскаго хребта, протянушагося на сотни верстъ къ западу и переходящаго въ извѣстный Нарымскій хребетъ. Оставивъ этотъ горный хребетъ влѣвъ, Бухтарма межъ высокихъ каменистыхъ береговъ течетъ болѣе двухсотъ верстъ на западъ и только въ ста верстахъ выше Усть-Каменогорска вливается въ многоводный Иртышъ, пришедшій изъ Китая. Такимъ образомъ, долина Бухтармы тянется по южному склону Алтая съ Востока на Западъ свѣше четырехсотъ верстъ, и территория Бухтарминскаго края занимаетъ значительную площадь около пятидесяти тысячъ квадратныхъ верстъ. Бухтарминскій край, образуя треугольникъ, граничитъ: съ сѣвера съ Бѣлухой и долиной Катуня, съ юго-востока съ Китайскою имперіей, а съ юго-запада съ долиною Иртыша и горными грядами Ивановскаго и Коксинскаго хребтовъ.

Такъ какъ малодоступные горные кряжи переходятъ въ холмистыя спокойныя предгорія лишь у Усть-Каменогорска и сѣвернѣе у Змѣиногорска, то и естественная русско-китайская граница встарину была именно здѣсь, у начала горныхъ кручъ. Здѣсь и была учреждена пограничная казачья линія, отбѣсненная позже къ востоку и получившая теперь названіе Бійской казачьей линіи. Эта линія, идущая по Западному подолу Алтая, соединяетъ два пограничныхъ отрога: Бійскій—передъ слияніемъ Катуня съ Бѣей, и Усть-Каменогорскій—при слияніи Иртыша съ Ульбою. Этой же линіей кончались прежде и русскія владѣнія, а все, что лежало за нею, считалось не русскимъ и частью было заселено смѣшанными тюркскими народами, частью оставалось необитаемымъ. И только въ верховьяхъ Бухтармы ютились служилые китайскіе люди, такъ какъ тутъ изъ Китая на Иртышъ и дальше на Чугучакъ пролегалъ древній торговый Китайскій путь. Большинство же населенія на

Бухтармѣ состояло изъ кочевыхъ племенъ киргизовъ каратаевского рода, жившихъ здѣсь самостоятельными княжествами или ханствами.

Вся горная территория, лежащая тотчасъ за Бійской линіей, у русскаго населенія изстари имѣла общее названіе „Камень“.

По мѣрѣ того, какъ открывались на предгорьяхъ Алтая казенные горные промысла, а правительство прикрѣпляло свободныхъ русскихъ поселенцевъ къ строившимся заводамъ, „Камень“ все чаще сталъ привлекать къ себѣ вниманіе обездоленныхъ рабовъ русскаго крѣпостничества. Онъ сдѣлался завѣтнымъ убѣжищемъ для многихъ русскихъ бергайеровъ и бѣглыхъ каторжанъ, прослышавшихъ, что тамъ имѣются поселенія русскихъ раскольниковъ, Богъ вѣсть, какими путями прошедшихъ въ таинственныя горныя ущелія.

II.

Попавши въ Бухтарминскій край, вы невольно переноситесь въ сѣдую старину Руси Московской, когда русскіе славяне въ основу жизни своей полагали религіозное начало, когда религія была смысломъ и цѣлью жизни. Она не всегда гармонировала съ чистымъ евангельскимъ ученіемъ и чаще всего отклонялась въ сторону строгихъ обрядностей, но, тѣмъ не менѣе, она была непоколебима и крѣпко связывала въ одно цѣлое всю древнюю Русь. Религія не разъ была и истинной правительницей Московскаго царства: она повелѣвала царямъ и правителямъ, и къ голосу ея прислушивалась вся еще не собранная Русь. Она же нормировала и гражданскую жизнь русскаго народа, и оттого средне-вѣковая Русь представляла собою громадную обитель, населенную милліонами суровыхъ спасавшихся людей.

Проникнутые религіознымъ экстазомъ русскіе люди искали спасенія въ уединеніи и скитничествѣ. Старцы и юноши ходили по Руси Господа ради, уединялись въ пустыни и закладывали скиты и починки, впоследствии выроставшіе въ монастыри, княжескіе посады и крупные города.

Вокругъ одного только святителя Кирилла Бѣлозерскаго въ началѣ XVII вѣка было выстроено 393 селенія. Цѣлый рядъ крупныхъ городовъ основанъ исключительно святыми отцами: Вологда—преподобнымъ Дмитріемъ, Ростовъ—старцами Леонтіемъ и Виссаріономъ, Смоленскъ—святымъ княземъ Ѳеодоромъ, Псковъ—Варлаамомъ, Великій Новгородъ—Михаиломъ юродивымъ Господа ради, и т. д., и т. д. ¹⁾

Въ тѣ сѣдыя времена русскіе люди въ большинствѣ своемъ были одинаково необразованны, и потому энергія ихъ духа цѣликомъ затрачивалась на религіозныя убѣжденія, хотя и примитивныя, но чистыя и непосредственныя. Оттого и имена тогдашнихъ пустынниковъ, несмотря на отсутствіе почтъ, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, слышны были за многія сотни верстъ и привлекали къ себѣ тысячи паломниковъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что людскія сердца, безъ участія властей и повелѣній, непосредственно и искренно причисляли такихъ пустынниковъ къ лику святыхъ угодниковъ. Естественно также, что множились и послѣдователи ихъ, и потому древняя Русь по заслугамъ имѣла названіе „Святой“.

Съ другой стороны, замкнутая въ мрачныхъ монастырскихъ стѣнахъ Русь была отрѣзана отъ всякаго свѣта, и рядомъ съ чистотою вѣры, свивало свои тенета и непроглядное невѣжество. Это-то невѣжество и послужило камнемъ преткновенія для реформаторовъ церкви и государства. Реформы патріарха Никона, а за нимъ и Петра Великаго, тяжкими ударами обрушились на окаменѣлую Русь. И, какъ Москва сгорѣла отъ одной свѣчки, такъ и средне-вѣковая Русь раскололась на части отъ сугубой „аллилуйи“ и отъ единаго „азъ“. Невѣжественные россияне увидѣли въ нихъ гибель церкви Христовой и за двухперстное знаменіе пошли на костры и пытки, въ темницы и ссылки, а упрямые реформаторы въ тѣхъ же „аллилуйи“ и „азъ“ увидѣли крамолу, грозящую гибелью государству.

И потекла благочестивая Русь подъ натискомъ преслѣдованія во всѣ концы отъ сердца своей родины. Въ поискахъ наиболѣе пустынныхъ и безопасныхъ мѣстъ, одни уходили

¹⁾ Проф. Шаповъ, „Земство и Расколъ“.

въ Керженскіе и Муромскіе лѣса, другіе на побережьѣ Бѣлаго моря, третьи за границу, въ Польшу—на Вѣтку и Стародубьѣ, четвертые въ Пермскіе лѣса, а пятые за Уралъ, въ Сибирскія черневья тайги.

Въ поискахъ потаенныхъ мѣстъ для насажденія религіознаго благочестія, русскіе раскольники въ видѣ каликъ переходящихъ, горбунчиковъ и звѣролововъ появились въ предгорьяхъ Алтая задолго до извѣстнаго горнопромышленника Демидова.

Съ передачею же горныхъ промысловъ Кабинету Его Величества, среди крѣпостныхъ шахтеровъ уже ходила легенда о какомъ-то таинственномъ „Бѣловодьѣ“, которое существуетъ, будто бы, гдѣ-то по близости тотчасъ за „Камнемъ“, и которое нашли русскіе пустынножители—старовѣры.

III.

Надо представить себѣ жизнь горнозаводскаго рабочаго начала XVIII столѣтія, когда кошки и дыбы, кнутъ и шпицрутень были единственной наградой за его каторжныя работы въ подземельи, чтобы понять мечту его о завѣтномъ „Камнѣ“.

Вл. Г. Короленко въ „Русскомъ Богатствѣ“, вспоминая о русской пыткѣ, приводитъ слѣдующую цитату изъ Московскихъ лѣтописей: „Въ 1641 году мая въ двадцатый день на Москвѣ въ Трубницахъ, во дворѣ Сибирскаго приказу приставъ Яковъ Катаевъ вопилъ во всю голову... Разказалъ что де онъ, Яковъ, сейчасъ привезенъ изъ застѣнка, пытанъ. А пыталъ де его Большого приказу дьякъ Иванъ Дмитріевъ въ томъ, что у Сибирскаго приказу они, приставы, въ Господскіе праздники и въ воскресные дни на правѣжѣ государевы долговые и исцевые иски правятъ ли...¹⁾“.

Итакъ, пытали даже пристава, и не за вину, а на томъ лишь, что „государевы долговые и исцевые иски правятъ ли“..., т. е. аккуратно ли взыскиваютъ казен-

¹⁾ „Русск. Богатство“, Февраль и Мартъ 1912 г.

ные и частные налоги. Что же дѣлаетъ приставъ, когда возвращается къ „правежу“ своему въ Сибирскіе заводы?.. Онъ съ лихвой беретъ у своихъ подчиненныхъ за то, что „на Москвѣ его испортили, руки ему на дыбѣ вывертѣли“... Онъ сѣчетъ и поретъ, бьетъ и мучаетъ всѣми муками безотвѣтнаго рабочаго, „потому де ему на сіе приказъ даденъ“.

Истязанія крѣпостнаго человѣка, какъ извѣстно, вызывались не всегда необходимостью, но и привычкой къ жестокости. Многіе изъ господъ находили въ этомъ своеобразное наслажденіе, и у нихъ портился аппетитъ, если они передъ обѣдомъ не удовлетворятъ своего кровожаднаго инстинкта. Есть старики, которые еще помнятъ сороковые и пятидесятые годы прошлаго вѣка на Змѣиногорскомъ заводѣ. Они рассказываютъ:

„Николай Николаичъ, уставщикъ то нашъ, лютой былъ до розги, дай Богъ свято почивать: какъ замѣтитъ, что поторжной-то плохо деретъ, вырветъ розгу-то да самъ и зачнетъ, и зачнетъ...“

Другой старикъ, доживающій сто лѣтъ, припоминаетъ такія подробности:

„Въ шахтѣ-то двѣнадцатеро было. Они возьми, да лишку и сробь... Ну, а извѣстно, не доробиль—драть, и переробиль—драть... Онъ, приставъ-то, и разсерчалъ... Разсерчалъ да всѣхъ ихъ въ чанъ, въ воду со льдомъ по горло и посадиль... Посадиль да и забыль, видно: гости у него были, жена именинница была... Они поторжного-то просить, молить, а онъ не смѣетъ отпустить... Ну, кто покрѣпче продрожаль, а девятеро ко дну пошли, замерли... Стали ихъ выгружать, да и тѣхъ, живыхъ-то, въ холодильникъ тащуть... Они и молятъ изъ милости: „Батюшки, живы, дескать, мы еще...“ Э-э... домерзнуть, говорить, въ холодильникъ, тащи и ихъ туда...“

Что касается прохожденія сквозь такъ называемый „строй“, то это была одна изъ наиболѣе обычныхъ мѣръ наказанія. Нерѣдко „запарывали“ на смерть, и если наказываемый лишался сознанія, не успѣвъ получить положенное число розогъ, то додавали послѣ, когда вылежить въ лазаретѣ. Бывало, что и мертвому досчитывали остальные.

Но русскій народъ стараго времени былъ чудовищно терпѣливъ. Онъ нерѣдко и на побои шелъ съ пѣснею:

— Ахъ, и трудно намъ, ребятушки,
 Подъ рошцей стоять.
 Но еще того труднѣе
 Сквозь зеленую брести.

Такъ иронизируетъ надъ своей участью старый народъ. Пѣли истязуемые люди и все-таки брели сквозь „строй“ подъ рошцей поднятыхъ таловыхъ или березовыхъ палокъ. Это были поистинѣ каменные люди, нерѣдко состязавшіеся въ терпѣннн. Они не только не просили пощады, но изъ нихъ не могли „выбить“ ни одного стона. Старые инвалиды рассказываютъ, что когда ихъ начинали драть, они брали въ зубы полы армяка для того, чтобы не услышали ихъ стона... За упрямство имъ прибавляли, но они все-таки молчали до конца.

Само собою разумѣется, что въ такой жизни бѣгство въ „Камень“ являлось свѣтлой, почти несбыточной мечтою. Когда же истерзанному бергайеру изъ подъ тяжелаго гнета удавалось перейти завѣтную линію и скрыться въ лѣсахъ и ущельяхъ Алтая, онъ пріобрѣталъ чисто звѣриный инстинктъ самосохраненія и жестоко мстилъ за всякую попытку поймать его, или самъ платился жизнью.

Въ половинѣ XVIII вѣка всѣ малодоступные долины и ущелья, горы и лѣса Алтая изобиловали тайными бѣглецами, прятавшимися и отъ преслѣдователя, и отъ хищнаго звѣря, и другъ отъ друга. Укрываясь въ какойнибудь пещерѣ, люди случайно сталкивались другъ съ другомъ, и какъ хищные звѣри, вступали въ смертный поединокъ, потому что вѣрнн было нельзя, даже самому себѣ, не только ближнему. И чаще всего бѣглецы старались жить въ одиночку. Вырвавшись изъ тяжелой неволи, они прежде всего отдыхали на солнцѣ въ густой и зеленой травѣ, промывали въ свѣтлыхъ ручьяхъ свои не заживающія отъ побоевъ раны, сушили пахнущее калчедономъ рубище. И уже потомъ приходили въ себя и придумывали средства къ существованію на сегодняшній день... Питались травами и ягодами, а чаще

всего охотились, если не съ ружьемъ, то ловушками (куле-мами) на звѣрей и птицъ. А потомъ шли дальше, не вѣдая что ихъ ожидаетъ впереди, но имѣя одно стремленіе—уйти дальше, какъ можно дальше отъ ужасной своей родины.

Шли, и иногда встрѣчали подобныхъ себѣ бродягъ или кандальниковъ, прятались отъ нихъ или падали ихъ жертвою, иногда побѣждали и въ рѣдкихъ случаяхъ находили среди нихъ товарищей...

IV.

Среди такихъ случайныхъ товарищей чаще всего попадались сектанты-славяне, въ котомочкѣ своей имѣвшіе мѣдныя иконы и старопечатныя книги. Тогда, подъ тѣнью могучихъ кедровъ или лиственницъ, завязывался разговоръ о Богѣ, и иногда невѣрующій бергайеръ или каторжанинъ невольно поддавалъ подъ влияніе сектанта и принималъ отъ него новое крещеніе вмѣстѣ съ новымъ именемъ... Все старое проклиналось, оставалось позади, и начиналась новая, полная своеобразныхъ особенностей, отшельническая жизнь. И если поломанныя кости ныли и напоминали о кошмарномъ прошломъ, то тѣмъ сильнѣе привязывала къ себѣ новая вольная жизнь, безъ каторжнаго труда и палокъ, безъ цѣпей и подземелья.

Отшельники-сектанты, пробравшись въ „Камень“, поселились въ наиболѣе красивыхъ уголкахъ и спасеніе души своей соединяли съ созерцаніемъ красивой дѣвственной природы, тѣмъ болѣе, что во всемъ хотѣли подражать святымъ угодникамъ.

„Мѣсто оно, идѣ же вселися святой — говорится въ жизнеописаніи почти каждаго святого—боръ бяша велій и чаша, мѣсто зѣло красно, всюду яко стѣною окружено водами и бѣ видѣніе онаго мѣста зѣло умиленно“...

А этихъ мѣстъ „зѣло умиленныхъ“—въ тѣ времена на Алтаѣ было безконечное множество. Обиліе голубыхъ и говорливыхъ рѣкъ, высокихъ и причудливыхъ горъ, покрытыхъ лѣсами и коврами изъ всевозможныхъ цвѣтовъ—все это дѣлало „Камень“ земнымъ раемъ, и люди отъ плетей и

кандаловъ, отъ гоненій за вѣру и отъ тяжелой работы шли туда, какъ въ мѣсто, уготованное имъ еще при жизни за ихъ земныя мученія.

Уединенный въ дѣвственныхъ лѣсахъ, окруженный только птицами, да дикими звѣрями и обвѣянный тишью безлюдія—человѣкъ чувствовалъ близость Бога и неприкосновенно оберегаемое здѣсь благочестіе. Здѣсь закоренѣлый преступникъ невольно превращался въ мягкаго благоговѣющаго человѣка, душа злодѣя должна была просвѣтлѣться, благословлять жизнь, но за то какъ же дорого и цѣнилась такая жизнь послѣ тяжкаго унижительнаго рабства! Человѣкъ въ одинъ мигъ превращался въ хищнаго звѣря, когда что либо становилось на пути къ его свободѣ и тайному уединенію и напоминало о возможности снова тлѣть въ темницѣ, или быть до смерти истерзаннымъ плетью. Поэтому русскому бѣглецу легче и безопаснѣе было столкнуться въ глухихъ лѣсахъ съ дикимъ звѣремъ, нежели со своимъ братомъ бродягою. Даже полудикіе туземцы—калмыки или китайцы, въ погонѣ за звѣремъ натывавшіеся на бородатаго россиянина, въ страхѣ бѣжали отъ его суровыхъ глазъ. И онъ шелъ все глубже въ лѣса, все выше въ горы, пробираясь по непроходимымъ трущобамъ, по опаснымъ утесамъ, черезъ страшныя пропасти и бурные потоки, черезъ „бѣлки“ и альпійскія болота, пока передъ нимъ не встала, какъ престоль самого Бога, величайшая ледяная гора Бѣлуха, родительница бѣлыхъ чудесныхъ водъ, такихъ бѣлыхъ и чистыхъ, какъ тѣ молочныя съ кисельными берегами, о которыхъ рассказываютъ въ сказкахъ, и которыя уготованы въ наслѣдіе только праведнымъ.

Какъ тутъ было не дать волю фантазій, какъ было не повѣрить въ существованіе рая и ада со всѣми ужасами, нарисованными придавленнымъ воображеніемъ?.. Какъ было первымъ славянамъ, попавшимъ на Бѣлыя воды, не вообразить себя спасителями истинной вѣры, нашедшими утраченное благочестіе?.. И съ непоколебимымъ убѣжденіемъ они вѣрили, что святое „Бѣловодье“ и есть тотъ потерянный и возвращенный рай, къ которому издавна гонимые рус-

скіе люди шли черезъ пытки и кровь, черезъ истязанія и преступленія.

Инстинктъ самосохраненія возвышалъ ихъ до чудовищнаго подвига въ терпѣніи, но они были убѣждены, что сдѣлали все во имя и по волѣ Бога. Оставалось благодарить Его и дѣлиться своимъ счастьемъ со святыми угодниками, и усталый путникъ въ жуткомъ уединеніи, въ лѣсахъ и на горахъ, распечатавъ свою котомку, доставалъ изъ нея маленькій мѣдный образокъ, благоговѣнно ставилъ его на сучекъ могучей лиственницы и до изнеможенія молился въ изступленіи религіознаго экстаза.

И въ тотъ моментъ, когда бродяга-сектантъ доставалъ свою мѣдную иконку, лѣтописецъ съ полной увѣренностью могъ занести на свой берестяной свистокъ, что здѣсь, въ глухихъ дебряхъ чужого царства, воздвигнуть новый столбъ русской границы.

И какимъ-то чудомъ, можетъ быть въ клювахъ вороновъ, а можетъ быть, все въ той же котомочкѣ, понеслись таинственныя вѣсти обратно на понизовья, спустились въ унылыя долины русской каторги и тяжелой мужицкой долюшки, вѣсти о томъ, что святое „Бѣловодіе“ не сказка, а была настоящая.. Что есть оно, и что есть уже тамъ подвижники, спасающіеся христіане.

И вотъ пошла эта сказка продолжать свои хитрые узоры и увлекать умы и сердца, тронула души, и дѣйствительно претворилась въ быль.

Слава о заселившихся въ глухихъ Алтайскихъ горахъ русскихъ людяхъ перенеслась далеко за предѣлы Урала, и хотя тамъ не знали, гдѣ находится это обѣтованное новое царство, это благочестивое Бѣловодье, однако, многіе согбенные странники двинулись по пыльнымъ сибирскимъ дорогамъ искать его благодатную сѣнь. Рабы суровой жизни, но богатырски терпѣливые русскіе люди, черезъ цѣпи и плети, сквозь смертельные ужасы и препятствія, пошли на Бѣловодіе, а въ котомочкахъ, всего только въ заплечныхъ котомочкахъ, понесли съ собою и вѣковой укладъ русской были, и свою суровую устойчивость.

И диву даешься теперь, что безъ почтъ, жезльныхъ

дорогъ и пароходовъ, пришелъ на горы, въ ущелья и за хребты весь тотъ тяжелый грузъ русскаго уклада, который выросъ въ Москвѣ и Псковѣ и который кажется такимъ неповоротливымъ.

V.

Первыхъ засельщиковъ на Алтайскихъ горахъ ждали тяжеля испытанія. Проникнувъ въ глухія дебри, они попали въ условія первобытныхъ людей, у которыхъ даже огонь долженъ былъ поддерживаться изо дня въ день: не всякій имѣлъ огниво и кремень. Даже жилье не такъ легко было построить, хотя лѣсу и было много. Орудіе русской культуры—топоръ былъ большой роскошью, и его могъ имѣть не всякій; поэтому въ первое время строили простыя берлоги, покрывали ихъ берестой и такимъ образомъ защищали себя отъ непогодъ и холода. Кто имѣлъ топоръ, тотъ не выпускалъ его изъ-за опояски и ревниво клалъ подъ сидѣнье, когда приходилось бесѣдовать съ сосѣдомъ. Бывали убійства изъ-за топора. Владѣлецъ топора былъ болѣе обезпеченнымъ чело-вѣкомъ, онъ скорѣе и лучше другихъ обзаводился жилищемъ и безопаснѣе другихъ чувствовалъ себя въ скитаніяхъ по лѣсамъ и горамъ. Если нужно было перейти бурную рѣку, чело-вѣкъ сваливалъ громадную лѣсину такъ, что вершина ея падала на другой берегъ, и по такому мосту переправлялся. Если онъ попадалъ въ непроходимую чашу, то про-рубалъ себѣ дорогу, если встрѣчался съ звѣремъ, то смѣлѣе вступалъ съ нимъ въ борьбу. Кромѣ того, топоръ былъ незамѣнимъ при дѣланіи такъ называемыхъ „салков“, маленькихъ плотиковъ, на которыхъ люди спускались изъ верховьевъ рѣкъ съ грузомъ своихъ охотничьихъ трофеевъ: тушами лосей, мараловъ, звѣриными шкурами и ягодами.

Самымъ тяжелымъ условіемъ для первыхъ засельщиковъ „Камня“ было отсутствіе хлѣба. Тѣ ржаные, зацвѣтшіе сухари, которые когда-то лежали въ котомкѣ, были бы верхомъ благополучія скитниковъ, если бы была возможность гдѣ-либо достать ихъ. Но о нихъ и мечтать не приходилось. Поэтому люди глодали черемуховую и таловую

кору и питались мясомъ звѣрей: лося, марала и дикой свиньи. Но безъ огнестрѣльнаго оружія добыча этихъ звѣрей представляла большія затрудненія и даже смертельныя опасности. Въ лѣтнюю пору жилось лучше, потому что всюду было много ягодъ, ревеню, чесноку, дикаго луку и такъ называемыхъ пучекъ. Когда же наступала осень — бѣдствія ихъ еще увеличивались. Но колоссальная сила воли и богатырское терпѣніе преодолевали все, люди шли на промыселъ, ловили въ капканы перваго попавшагося звѣря, запасали изъ него пищу и на самодѣльныхъ лыжахъ, съ топорами за опояской, прокрадывались къ китайскимъ пикетамъ... не обратно къ русскимъ границамъ, гдѣ жестокія розги страшнѣе голодной смерти, а къ чужимъ иновѣрнымъ китайцамъ... Много надо было русской хитрости и смѣлости, чтобы не зная языка, расположить къ себѣ „басурмана“, взять у него, что можно, и ловко ретироваться во свояси.

Русскіе бродяги притворялись заблудившимися звѣроловцами, въ доказательство чего приносили шкурки бѣлокъ, выдръ и соболей, и китайцы, которыхъ было на границѣ очень мало, не только снабжали своихъ гостей мукою, сухарями и солью, но и выдавали имъ необходимое оружіе, ножи, огнива, ткани и нитки.

А позже, когда китайцы узнали, что русскіе люди поселились въ ихъ владѣніяхъ осѣдло, они даже помогали имъ обзавестись хозяйствомъ. Такъ, первымъ бѣгунамъ, заселившимся по рѣкѣ „Бѣлой“, Шарыповымъ, Лысовымъ и другимъ, было выдано китайцами по одной живой свиньѣ и по одной козлухѣ на каждую семью — „на племя“.

Но такая помощь не могла, конечно, избавить Бухтарминскихъ „каменьщиковъ“ отъ лишеній, какія они претерпѣвали еще многіе годы. Достаточно сказать, что люди эти питались сваренными въ водѣ лоскутьями своихъ кожаныхъ котомокъ и обсасывали ихъ желѣзныя пряжки. И при этомъ еще острили:

— А въ ней съ этой кожѣ-то, поди-ка, настоящее мясо ляживало, потому она, вѣдь, скотская...

И когда первымъ засельщикамъ удалось посѣять немного ржи, они съ невѣроятнымъ терпѣніемъ зимою, скоб-

лили стеклышками въ деревянныхъ корытцахъ замороженныя въ водѣ зерна, чтобы получить столь желанное тѣсто.

Поставленные въ такія условія люди, казалось бы, должны были вести полувѣрный образъ жизни.

Однако, въ натурѣ русскихъ бѣглыхъ людей, какъ бы невѣжественны они ни были, помимо животнаго инстинкта самосохраненія, было нѣчто болѣе цѣнное и высокое. Это, конечно, была вѣра, слѣпая непоколебимая вѣра въ Бога, а вмѣстѣ съ нею и вѣра въ жизнь, въ ея лучшее будущее. Что такое пережитыя бѣдствія? Это только Божье испытаніе, или искушенія дьявола. И униженные и оскорбленные, рабы и преступники, бѣглецы и бродяги въ дебряхъ Алтая закладывали свое новое, вольное царство.

VI.

Къ половинѣ XVIII вѣка въ горахъ южнаго Алтая была уже цѣлая сѣть русскихъ деревень.

Деревни эти были, разумѣется, до смѣшнаго малы, но, разбросанныя по ущельямъ, онѣ плотно садились на новую почву и глубоко запускали въ нее свои крѣпкіе корни. Вѣрнѣе, это были заимки въ двѣ-три, а иногда и въ одну избу, но, по тамошнимъ условіямъ жизни, изба съ женщиной и квашнею, съ топоромъ и собакою—представляла значительный культурный пунктъ. Сразу становилось веселѣе на десятки верстъ вокругъ, оттого что близко люди, осѣдло живущіе совсѣмъ по русски, съ русскимъ языкомъ, съ шатровой крышей и косящатымъ окошкомъ. Неудивительно поэтому, что самая первая деревня нынѣ именуемая Фыкалкой, искренно и безъ насмѣшки называлась „Большой Деревней“, потому что въ ней было семь домовъ. Собственно, объ этихъ семи домахъ существуютъ различныя версіи. По одной—все семь избъ были въ кучѣ, по другой—онѣ были разбросаны по окрестностямъ, примѣрно въ 2-3-хъ верстахъ одна отъ другой, а по третьей версіи—тутъ жило въ одно время семь мужиковъ, семь разныхъ „забѣглыхъ“.

Теперешняя деревня Фыкалка находится на другомъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Фыкалкѣ, названной такъ потому, что старики, поселившіеся при этой рѣчкѣ, пока дошли до нея, порядкомъ „пофыкали“, т. е. отъ усталости тяжело переводили духъ, „запыхивались“. Бывшая же Фыкалка, т. е. „Большая Деревня“, находилась верстахъ въ 10 отъ теперешней, въ полуверстѣ отъ праваго берега роскошной по живописности рѣки Бѣлой. Намъ показывали шесть березъ (теперь уже только четыре, — двѣ свалились), которыя будто бы выросли на общей могилѣ шести первыхъ „забѣглыхъ“, основателей „Большой Деревни“.

Легенда, а возможно, что и правдивое преданіе, такъ повѣствуетъ о происхожденіи этихъ шести березъ.

Поселились тутъ въ разное время разныхъ бродягъ семь человекъ. И была между ними одна женщина, почему шестеро завидовали седьмому, обладателю женщины, и всякій разъ, какъ только онъ уходилъ промыслять, т. е. охотиться, къ ней заходили то тотъ, то другой, и чинили надъ нею насилія. Она будто бы очень любила своего сожителя, но боялась ему сказать о жестокой истинѣ. Наконецъ, однажды случайно съѣхались въ избушку всѣ шестеро въ то время, какъ былъ дома и хозяинъ. Съѣхались и, по одной версіи, въ ссорѣ изъ-за хозяйки, сами перерѣзали другъ друга, а по другой — смѣтливый хозяинъ хорошо угостилъ ихъ медовой брагой, а потомъ перерѣзалъ сонныхъ. Затѣмъ онъ вырылъ имъ общую могилу и всѣхъ похоронилъ, а самъ съ возлюбленной переѣхалъ на то мѣсто, гдѣ стоитъ теперешняя Фыкалка.

Такіе случаи на романической почвѣ повторялись не однажды и послѣ, хотя и съ меньшимъ количествомъ жертвъ. Герои такого рода событій получили особое названіе „мясорубовъ“.

Впослѣдствіи профессоръ Шмурло въ своихъ матеріалахъ¹⁾ о заселеніи Бухтармы, называетъ ея русскихъ обитателей „буйными и своевольными крестьянами, стоя-

¹⁾ Записки Семипалат. Подъотдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.

шими внѣ всякаго административнаго вліянія, среди которыхъ еще живы воспоминанія объ охотѣ за людьми“.

Но намъ кажется, что прежде, чѣмъ обвинять въ этомъ Бухтарминцевъ, слѣдуетъ взвѣснить причины, по которымъ выросталъ и буйный нравъ и неизбѣжность тяжкаго преступленія среди русскихъ бѣглыхъ.

Вѣрно, что были и такіе случаи, когда суровый россиянинъ, точь въ точь какъ кавказскій кабардинецъ, и ружья свои пристрѣливалъ по живой мишени, но это, во-первыхъ, были исключенія, а во-вторыхъ, въ тѣхъ условіяхъ русской были, въ которыхъ протекали цѣлыя столѣтія, не легко было избавиться отъ преступниковъ и злодѣевъ. Они были и, къ горькому прискорбію, есть и сейчасъ и едва ли есть возможность избавиться отъ нихъ въ ближайшемъ будущемъ.

Но такого рода исключенія едва-ли даютъ основаніе для огульнаго обвиненія цѣлаго народа, столь героически вынесшаго на себѣ бремя тяжкихъ испытаній и сохранившаго, несмотря ни на что, и свой человѣчскій обликъ и свою бодрюю жизнѣдѣтельность.

Случаи кроваваго зла чаще всего происходили изъ за женщинъ, въ которыхъ на Бухтармѣ былъ недостатокъ. Многіе забѣглые побросали свои семьи и женъ на родинѣ, куда не смѣли возвращаться. Это послужило впослѣдствіи причиной массоваго похищенія чужихъ женъ или дѣвицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало болѣе широкому расселенію русскихъ на Алтаѣ. Для того, чтобы дорогую добычу не отняли обратно, а главное не учинили бы за кражу ея кровавой мести, похитители искали отдаленныхъ убѣжищъ, гдѣ и поселялись новыми займками, прячась въ нихъ, какъ тайные разбойники. Женщина свѣкалась съ своей участію; будучи же связанной съ похитителемъ дѣтьми, становилась вѣрной его женой и хозяйкой. Впрочемъ, похищенія чаще всего происходили съ согласія самихъ похищаемыхъ. Бѣжали жены суровыхъ или старыхъ мужей, или не родныя дочери, а также и просто влюбленныя въ своихъ похитителей, которые окружали своихъ украденныхъ подругъ заботливой ласкою. Такимъ образомъ, русскіе все шире расселялись по горамъ и лѣсамъ, перекидывались черезъ громадныя про-

882602

странства и фактически овладѣвали огромной территоріей. Но центромъ, откуда расселялись русскіе люди, была все та же деревня Фыкалка. Изъ нея образовались сначала деревни Бѣлая и Печи, основанныя въ 1742 году, затѣмъ въ томъ же году Язовая и Коробиха. Черезъ восемь лѣтъ деревня Сѣнная, а еще черезъ годъ деревня Быкова. Но Фыкалка создала много деревень и въ отдаленныхъ отъ нея мѣстахъ, въ верховьяхъ Бухтармы, по Берели, по Нарыму, Тургусуну и другимъ рѣкамъ. Изъ ея же бѣглецовъ основаны были первыя заимки въ среднемъ теченіи Катуня, гдѣ находится нынѣшній Уймонскій край.

VII.

Уже въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка „всякій бѣглый сбродъ“, какъ говоритъ проф. Шмурло, представлялъ изъ себя въ Бухтарминскомъ краѣ маленькое государство, твердо ставшее на ноги, благодаря упрочившемуся матеріальному благосостоянію и богатствамъ природы.

Но несмотря на свою вольность, царство это было все же воровскимъ, принужденнымъ прятаться и трепетать за свою независимость.

А съ тѣхъ поръ, какъ благосостояніе Бухтарминцевъ упрочилось, и явилась надобность въ сбытъ излишковъ отъ охотничьяго промысла, независимость этого „царства“ подверглась большимъ искушеніямъ.

Занимаясь главнымъ образомъ охотой, „каменщики“ имѣли постоянную нужду въ орудіяхъ производства и другихъ продуктахъ культуры, желѣзныхъ издѣліяхъ, порохѣ, тканяхъ, соли, зерновомъ хлѣбѣ и проч. Это заставляло ихъ время отъ времени дѣлать контрабандныя вылазки изъ своихъ угловъ, а для такихъ вылазокъ требовалось не мало изворотливости и риска. Поэтому свои охотничьи трофеи забѣглые сбывали китайцамъ и русскимъ черезъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, избираемыхъ изъ своей же среды. Эти довѣренные или „торговые гости“, люди наиболее изворотливые и смѣлые, сбывая мѣха и имѣя сношенія

съ тѣмъ и другимъ пограничными государствами, должны были платить двойныя взятки властямъ, что для нихъ было обременительно. Кромѣ того, они поняли, что имѣтъ дѣло съ русскими купцами для нихъ выгоднѣе и удобнѣе. Тогда они подбили наиболѣе рѣчистыхъ и богатыхъ мужиковъ и написали прошеніе на Высочайшее имя о дарованіи Бухтарминскимъ забѣглымъ прощенія за ихъ укрывательство въ чужой странѣ и о принятіи ихъ обратно въ русское подданство.

Въ отвѣтъ на это-то прошеніе, поданное незначительной группой лицъ, и даны были два знаменитыхъ Указа Императрицы Екатерины Алексѣевны отъ 15 Сентября 1791 года и отъ 20 Января 1792 года „о прощеніи разнаго званія забѣглыхъ русскихъ людей“, а также и объ обложеніи ихъ ясакомъ и иными тяготами тогдашней русской жизни, за исключеніемъ отбыванія рекрутской повинности.

Эти Указы Императрицы Екатерины II для большинства Бухтарминскихъ „каменщиковъ“ явились неожиданными. На головы вольныхъ людей немедленно же посыпались различные приказы и повелѣнія, реформы и нововведенія.

Полученное 1 Юля 1792 года въ Бухтарминской земской избѣ повелѣніе отъ Артиллеріи Генераль-поручика Колыванскаго намѣстничества, правителя и кавалера Меллера, прежде всего гласило слѣдующее: „какъ Высочайшимъ Указомъ между прочимъ повелѣно: на избранныхъ вами мѣстахъ васъ поселить, то желающимъ поселиться въ здѣшнихъ мѣстахъ объявить, чтобъ избрали удобныя мѣста отнюдь не въ отдаленныхъ отъ рудниковъ мѣстахъ и старались бы отъ нынѣшнихъ своихъ жилищъ приблизиться къ рудникамъ; для узнанія же гдѣ и въ какихъ мѣстахъ сколько именно мужского пола душъ поселиться пожелаютъ отправленъ отъ меня уѣздной землемѣръ Сергѣевъ обще съ заводской стороны унтеръ-шихтъ-мейстеромъ Феденевымъ, которымъ показать тѣ удобныя мѣста, и гдѣ кто поселиться пожелаетъ на колкое число душъ, для отвода каждому селенію земли, но при томъ наблюдать, чтобъ менѣе десяти дворовъ, или семействъ въ селеніи не было.“

„А о платежѣ ясака въ свое время дастею знать“ 1). И дальше: „Въ Высочайшемъ Указѣ отъ 15 Сентября 1791 года преступникамъ воспослѣдовало всемилостивѣйшее прощеніе, то дабы сію Высочайшую Милость всѣ таковые преступники восчувствовали...“

Но, „восчувствовавъ“ эту милость, бѣглецы поняли, что вольной жизни пришелъ конецъ, и потому еще крѣпче стали западать въ потаенныхъ мѣстахъ, подкупая мѣстныхъ властей считать ихъ умершими, или находящимися въ бѣгахъ. Тѣ же, которые были „прощателями“ въ томъ же 1792 году подверглись строгимъ допросамъ и черезъ пытки и угрозы давали свои вынужденныя показанія вродѣ слѣдующихъ: „отъ роду мнѣ 42 года, холостъ, родился вѣдомства Колывано-Воскресенскихъ заводовъ отъ приписного къ онимъ крестьянина Кирилла Легостаева... слободы Легостаевой, съ коей былъ взятъ и проробилъ одинъ годъ добропорядочно на Змѣевскихъ заводскихъ работахъ... Однако въ разсужденіи своихъ выгодъ прельстился звѣрному промыслу въ сторонѣ „Камнѣ“, иде же звѣрей изобильно, по легкомыслію своему вознамѣрился изъ той деревни Легостаевой отлучиться того 1783 году, а какого мѣсяца и числа не упомяну... Пришелъ въ „Камень“ пустымъ мѣстомъ черезъ Корокольскіе улусы скрытнымъ образомъ. Во время вышеобъявленнаго побѣгу, какъ смертнаго убивства, такъ и воровства и зажигательства не чинилъ, а вышеуказанный побѣгъ я учинилъ безъ всякой прекословности. И отнынѣ желаніе имѣю быть въ числѣ прочихъ ясашныхъ и въ какой окладъ буду положенъ въ указанные сроки обязуюсь платить оной бездоимочно“ 2)...

И длинный рядъ такихъ показаній, несмотря на утайку истинныхъ подробностей хитрыми подканцеляристами, рисуетъ въ самыхъ печальныхъ краскахъ бѣгство русскихъ людей отъ непосильныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ тягостей.

Такъ, бывший крѣпостной помѣщика Антона Францевича Дигариги, сынъ Прокопія Яковлева, повѣствуетъ о своемъ

1) Изъ дѣлъ Бухтарминской Земской избы.

2) Изъ дѣлъ Бухтарминской Земской избы.

бѣгствѣ слѣдующее: „Жилъ я при моемъ господинѣ добропорядочно, налагаемое отъ него, что принадлежало, исполнялъ безостановочно, гдѣ уже онъ Дигарига женилъ меня на привезенной сержантомъ Шабалинымъ, которой и по нынѣ живеть при немъ Дигаригѣ—дѣвицѣ Оринѣ, Андреевой дочери. Отъ оной же (Устькаменогорской) крѣпости мой господинъ переведенъ въ штатную службу въ Колыванскую губернію и я жилъ при немъ съ женою и сыномъ. Однако въ разсужденіи нетерпѣливости какъ отъ господина Дигарига, такъ жены и при немъ живущаго прапорщика Шабалина, а по штатской службѣ чину его не знаю, но не хотя такого претерпѣвать во всякое время напраснаго наказанія, что тотъ Шабалинъ съ моей женой имѣлъ прелюбодѣяніе, неоднократно я самъ заставлялъ“, и т. д. ¹⁾.

Далѣе, сынъ Томскаго посадскаго Андрей Поповъ 47 лѣтъ показываетъ: „Вмѣсто рекрутской службы былъ взятъ въ Змѣевской заводъ въ горные работники, откуда бѣжалъ въ „Камень“ съ товарищами соболевать, но не зная пути сбились съ дороги и попались въ село Пошенно, гдѣ пойманы, наказаны плетью и осуждены на вѣчное сидѣніе въ тюрьмѣ при Семеновскомъ рудникѣ... И оттого во всякое время старался пріискивать изъ тюремнаго содержанія выходу способъ пока изъ службы бѣжать, однако и убѣжалъ, но всѣхъ же моихъ побѣговъ учинено пять“ ²⁾..

VIII.

Но передача въ подданство не вытравива въ забѣглыхъ людяхъ ихъ стоическаго терпѣнія, старой вѣры и дѣдовскаго взгляда на жизнь. Они твердо продолжали пребывать въ состояніи все той же окаменѣлости.

Вновь почуявъ приближеніе горнозаводской цивилизаціи, Бухтарминцы еще болѣе замкнулись въ старинномъ укладѣ, пускаясь на всевозможныя хитрости для того, чтобы реформы

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Архивъ Верхъ-Бухтарм. Вол. Правл.

и приказы начальства какъ можно менѣе вліяли на ихъ жизнь. Нерѣдко, пріѣзжавшіе въ какую либо ясашную деревню для ревизіи военные начальники съ цѣлымъ отрядомъ солдатъ, находили ее совершенно пустой, такъ какъ ясашные люди прятались въ тущобахъ и ни за что не хотѣли показаться „посланцамъ антихриста“. Больше всего они боялись, что ихъ будутъ брать въ солдаты и въ горнорабочіе на рудники. Боялись они также всякихъ мірскихъ людей потому, что сближеніе съ ними считалось великимъ грѣхомъ и еретичествомъ. У нихъ всегда имѣлся какой либо руководитель - патріархъ, къ голосу котораго всѣ чутко прислушивались, и который былъ въ то же время какъ бы довѣреннымъ лицомъ для разныхъ дипломатическихъ сношеній съ земскою избой, ближайшими властями и пріѣзжимъ начальствомъ. Этотъ же патріархъ былъ и духовнымъ наставникомъ, онъ крестилъ и вѣнчалъ, хоронилъ и исполнялъ богослуженія въ потаенныхъ часовняхъ и правилъ „міромъ“, какъ воевода. Особенно же трудной миссіей для такого руководителя было учинять сдѣлки со всякаго рода начальниками, которымъ всѣмъ безъ исключенія приходилось бить челомъ „отъ трудовъ честныхъ подарками“... Бывали случаи, когда эти патріархи являлись искупительной жертвой за свою маленькую республику: ихъ хватили и угоняли въ ссылку или въ тюрьму, а случаевъ, когда ихъ пороли и сажали въ амбары или въ колодкахъ держали при земской расправѣ, было неисчислимое множество. Случалось и такъ, что такой президентъ, приказавъ своему народу прятаться, самъ оставался на всю деревню одинъ и прикидывался или юродивымъ калѣкою, или нѣмымъ и глухимъ и выдерживалъ самыя жестокія пытки, но не произносилъ ни одного слова.

Но физическія страданія не удручали ихъ въ такой степени, какъ нравственныя испытанія, когда съ тяжелыми колодками на рукахъ и ногахъ лучшіе изъ нихъ шли въ ссылку и, должны были видѣть, какъ передъ ними на длинномъ шестѣ кощунственно потрясали ихъ святыни, мѣдныя иконы и старыя книги.

Чтобы не видѣть этого кощунства старики часто передъ

обыскомъ клали свои книги и иконы въ печь и, когда входили власти, они поджигали дрова, и если обыскъ затягивался, все сгорало въ огнѣ...

По мѣсяцамъ и годамъ лежали ихъ святыни въ заклестерившихся мѣшкахъ муки на днѣ горныхъ озеръ...

Такъ хранили остатки русскаго благочестія Бухтарминскіе славяне, несмотря на свою полузвѣриную дѣсную жизнь. Крѣпко блюли и святыню семьи, во главѣ которой всегда стоялъ старшій въ домѣ, которому подчинялись все, боясь заслужить косою взглядъ не только съ его стороны, но и со стороны другъ друга. Старшимъ же въ семьѣ былъ тотъ, за кѣмъ чувствовалась сила и способность управлять и трезво взвѣшивать поступки каждаго. Чаше всего имъ былъ дѣдъ. Когда же такой дѣдъ или прадѣдъ чувствовалъ себя не въ состояніи слѣдить за хозяйствомъ и семьею, онъ собиралъ семейный совѣтъ и торжественно передавалъ свою власть сыну или женѣ, если она была имъ признана достойной для распорядка. И ужъ больше ни во что не вмѣшивался, а только молился и молча углублялся въ себя. Лучшей утѣхою его было иногда узнать, что преемникъ достойнымъ образомъ справляется съ переданной ему обязанностью патріарха. Но часто такой патріархъ властвовалъ до послѣдняго часа своей жизни. А въ смертный часъ собиралъ всю семью возлѣ смертнаго одра и, уходя въ загробную жизнь, оставлялъ каждому въ отдѣльности свои отеческіе завѣты.

— Меньшихъ то не обижай—говорилъ онъ старшему сыну,—а вы—обращался онъ къ младшимъ,—слушайте его, да живите такъ, чтобы добрые люди не косились на васъ, да не насмѣхались. Чтобы въ гробу-то я спокойно лежалъ..."

И такіе завѣты блюлись, какъ непреложный законъ.

Иногда въ роли главы семьи, нерѣдко многочисленной, оставалась вдова, которая управляла домомъ и семьею такъ, что многіе старики дивились ея распорядку. Это были по истинѣ Марфы Посадницы, къ которымъ прислушивались такъ же, какъ къ духовнымъ наставникамъ. Да и вообще Бухтарминская женщина, несмотря на патріархальные

нравы, была не рабыней, а полноправнымъ человѣкомъ, и если въ молодые годы она то и дѣло кланялась старшимъ, испрашивая отъ нихъ благословенія на всякое дѣло, это не считалось униженіемъ, но особой семейной этикой, въ строгомъ исполненіи которой былъ особенный шикъ. Не поклоны были унизительны, а нарушеніе почета передъ старшими, и надъ тѣми, кто выказывалъ неуваженіе къ старшимъ, смѣялись, какъ надъ людьми взбалмошными и глупыми. Уваженіе къ старшимъ не было трудомъ или вынужденной обязанностью потому, что эти старшіе не роняли своего престижа, но напротивъ всячески поддерживали его примѣрными поступками и любовью къ младшимъ.

Прожить жизнь до старости безъ нарушенія семейной и общественной этики—вотъ что было идеаломъ для всякаго идущаго въ жизнь человѣка. А оттого, что въ это была искренняя вѣра, люди слѣдовали этому безъ усилій надъ собою, съ искреннимъ удовольствіемъ. Оттого и въ семьѣ всегда царили примѣрное миролюбіе и созидательный дружный трудъ. Если и случалась когда несправедливость къ какой либо снохѣ, то она шепоткомъ ночью сообщала о ней лишь мужу или молча переживала ее наединѣ съ собою. Десятокъ и полтора дѣтей отъ родныхъ снохъ и братьевъ не знали между собою никакого различія, точно это были дѣти одной матери и одного отца, и всѣ одинаково были обласканы старшими, которые называли ихъ ласкательными именами и окружали примѣрной заботою. Никакихъ специальныхъ воздѣйствій воспитанія не было, а дѣти росли удивительно чистыми и непорочными. Правда, гдѣ нибудь на гвоздикѣ для пристрастки висѣлъ прутикъ или двохвостка—плетка, но въ ходъ она почти не пускалась, такъ какъ добродушный дѣдъ только все грозилъ, начиная свою угрозу неизмѣнно съ молитвы:

— Это кто грезить, а?— скажетъ онъ и, насупивъ брови, потянется къ плеткѣ, произнося нараспѣвъ:—Господи Иисусе Христе Сыне Божій...

Разумѣется, дѣти всѣ уже жались въ уголокъ печки или палатей, а дѣду не приходилось даже и взяться за плетку. Высоко стояли супружеская вѣрность и цѣломудріе юноше-

ства. Въ баню, напимѣръ, ходили всей семьей, не исключая сыновъ и снохъ, дочерей и взрослыхъ парчей. однакоже, дурнымъ инстинктамъ не было мѣста, и бракъ хотя и не скрѣпленный церковью, освѣщался рѣдкой взаимной преданностью и довѣріемъ. Поэтому и жизнь до старости, полная трудовъ, а иногда и лишеній, пріобрѣтала смыслъ, и никому не приходила въ голову мысль о самоубійствѣ, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, когда къ этому побуждала какая либо изъ ряда вонъ выходящая драма...

При такомъ семейномъ укладѣ естественно было уваженіе и къ чужой семьѣ, и жизнь отдѣльной общины не нуждалась въ особыхъ нормахъ или временныхъ законахъ. Она протѣкала въ мирѣ и благоденствіи, управляемая исключительно человѣчностью въ отношеніяхъ другъ къ другу и той простотой нравовъ, которая не создавала хитрыхъ узловъ и условностей, но крѣпко связывала всѣхъ въ одну общую семью-коммуну. Природныя же богатства края обезпечивали безбѣдное существованіе и ясные люди изъ бывшихъ рабовъ выросли въ почетныхъ боярѣ и витязей, не знавшихъ надъ собою никого, кромѣ Господа Бога. И такъ протекло много лѣтъ, почти столѣтіе, въ то время, когда во всей Руси царили плеть и рабство.

IX.

Но вотъ шестидесятые годы сняли цѣпи съ порабощеннаго русскаго народа, томящагося въ шахтахъ и у помѣщиковъ, и тысячи новыхъ гостей съ ближайшихъ казенныхъ заводовъ двинулись въ горы, а вслѣдъ за ними началась колонизація Бухтарминскаго края при помощи правительства. Были учреждены пограничныя казачьи форпосты, возникли новыя селенія добровольныхъ пришельцевъ изъ Россіи, и кромѣ того потекли въ горы съ понизовьевъ такъ называемыя „поляки“, которымъ стало тѣсно на Убѣ и на западныхъ склонахъ Алтая...

Съ этого времени начинается новая эра для Бухтарминцевъ, ознаменовавшаяся въ 80-хъ годахъ для нихъ еще одной бѣдою:

ихъ повелѣно было брать въ солдаты и взимать съ нихъ вмѣсто ясака государственныя подати наравнѣ съ прочими понизовыми крестьянами. Жизнь сразу пріобрѣла иной характеръ, и хотя старинные устои, скованные вѣками и старой вѣрою, были по прежнему крѣпки, однако погнулись передъ грядущимъ утѣсненіемъ и усилившимся гоненіемъ за старую вѣру, и многіе ясашные двинулись на поиски новыхъ свободныхъ мѣстъ. Многіе ушли въ вершину Енисея, многіе погибли въ голодныхъ степяхъ южнаго Китая, а многіе перекинулись черезъ Алтайскій хребетъ и уединились на рѣкѣ Кабѣ, гдѣ къ нашимъ днямъ образовалось также цѣлое царство, но уже съ меньшей свободою. Такимъ образомъ, граница русскаго государства снова отодвинулась вглубь Китая, и Бухтарминскій край теперь представляетъ собою рѣдкую по богатству и густо населенную область съ многотысячнымъ населеніемъ.

Знаменитая Фыкалка, являясь прародительницей большинства русскихъ селъ и деревень на Южномъ Алтаѣ, сама по себѣ за полтора ста слишкомъ лѣтъ выросла очень мало. Въ ней всего только 49 дворовъ при 336 душахъ обоюго пола. Однако, несмотря на то, что платежныхъ душъ въ 1910 году въ Фыкалкѣ было всего 48, она внесла въ казначейство однѣхъ только государственныхъ податей 818 руб. 95 коп., а въ 1911 году около 1300 рублей. Всѣ же 8 селеній Верхъ-Бухтарминской волости въ 1910 году заплатили податей 13493 руб. 51 коп. при 5600 душахъ обоюго пола и при 1046 душахъ тяглыхъ. А всего на Бухтармѣ крестьянскихъ волостей 5, въ нихъ около 40 деревень съ населеніемъ около тридцати тысячъ, не считая 3-хъ казачьихъ станицъ и цѣлаго ряда киргизскихъ волостей.

Селенія въ Бухтарминскомъ краѣ разбросаны въ наиболѣе живописныхъ мѣстахъ, по берегамъ красивыхъ чистыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Бухтарму, а нѣкоторыя и по берегамъ самой Бухтармы. Наиболѣе типичными селеніями являются: Фыкалка, Бѣлая, Печи, Язовая, Коробиха, Сѣнная и Быкова. Послѣднія четыре деревни стоятъ на берегахъ Бухтармы.

Слѣдуетъ упомянуть, что громадныя деревни Солдатова

и Солоновка, населенная значительно позже такъ называемыми „поляками“, пришедшими въ бо-хъ годахъ XIX в. съ рѣкъ Убы и Ульбы, съ западныхъ предгорій Алтая, составляютъ совершенно особую категорію и не считаются „яшными“.

Всѣ эти яшные деревни состоятъ преимущественно изъ густо настроенныхъ деревянныхъ домовъ древне-русской архитектуры. Правильныхъ улицъ почти нѣтъ. Дома строятся окнами всегда на солнце, такъ что очень часто на улицу выходятъ глухія стѣны безъ одинаго окна.

Дома обыкновенно очень высокіе, съ маленькими косячатыми окнами, покатыми крутыми крышами и замысловатую рѣзбой или хитроумной покраскою на ставняхъ и причельщикахъ... При домахъ, которые всегда строятся связью, т. е. съ глухими стѣнами, раздѣляющими двѣ избы, обыкновенно имѣется глухое высокое крыльцо. Одна изба подъ собою имѣетъ подполье, и въ ней стряпаютъ, столуются, спятъ и бесѣдуютъ, а другая дѣлается обыкновенно выше первой на три ступеньки и представляетъ собою домовую молельню. Называется она горницей, т. е. стоящей горне, выше избы. Тамъ широкія божницы съ множествомъ старинныхъ иконъ, и въ этихъ горницахъ уединяются для молитвы старики. Но чаще всего горница содержитъ холодной, не жилой и служитъ хранилищемъ разнаго добра: одежды на шестахъ, пряжи, холста, сундуковъ и т. п.

Подъ горницею обыкновенно находится темный подвалъ съ потолкомъ и поломъ, весьма низкій, такъ что надо ходить сгибаясь, и тамъ хранятся съѣстные припасы: масло, медъ, солонина, пиво. Для хлѣба же и прочихъ запасовъ имѣются всегда крѣпкіе амбары, а для сбруи и орудій по хозяйству — обширныя завозни. Для скота — просторные дворы и пригоны, въ которыхъ накапливается никогда не убираемый навозъ, и потому часто заплоты врастаютъ въ землю, а лѣтомъ скотъ бродитъ въ жидкой грязи по колѣно. Бани въ деревняхъ всегда черныя, расположены по берегамъ рѣчекъ, и въ нихъ не моются, а только парятся вѣниками, а потомъ совершенно красные и голые, прикры-

вшись однимъ вѣникомъ, идутъ въ рѣчку и купаются. Это продѣлывается и зимою, несмотря на трескучіе морозы.

Ѣдятъ Бухтарминцы хорошо, начиная день обѣдомъ. Вставши рано утромъ, всѣ сперва идутъ на работу и, уже „промявшись“, часовъ въ 8—9 обѣдаютъ, а около 2—3 часовъ „паужнають“, и вечеромъ передъ сномъ ужинають. Такимъ образомъ больше трехъ разъ въ день не ѣдятъ, но за то всѣ эти три раза ѣдятъ плотно. А такъ какъ чаю ясашные люди никогда не пьютъ, потому что „чай дѣлаетъ поганый китаецъ, поклоняющійся дракону“, то этотъ напитокъ замѣняетъ квасъ, всегда хорошій, ядреный и имѣющійся въ изобилии. Ложатся ясашные рано, тотчасъ какъ стемнѣетъ, но и встаютъ очень рано, лѣтомъ на зарѣ, а зимою послѣ вторыхъ пѣтуховъ до свѣту.

Безъ исключенія всѣ эти люди здоровые, цвѣтушіе, ширококостные и рослые. Мужчины большею частью темно-волосы, а женщины бѣлокуры. Взглядъ всегда смѣлый, открытый, голосъ громкій и пѣвучій, движенія быстры и проворны. Всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти, и старики отлично ѣздятъ верхомъ, и ѣздить на телѣгахъ не любятъ. Да въ д. Фыкалкѣ, на примѣръ, телѣгъ и нѣтъ. Есть одна двухколесная, да и та заведена недавно владѣльцемъ маслодѣльного завода для перевозки флягъ съ молокомъ. Поэтому всякія тяжести перевозятся выюками въ громадныхъ кожаныхъ сумахъ, называемыхъ „коржунами“. На покось, или на пашню въ горы, изъ ограды дома выѣзжаетъ обыкновенно цѣлая кавалькала, и всѣ старые, и малые, на отличныхъ лошадяхъ и въ отличныхъ сѣдлахъ. Впрочемъ, очень часто мужъ и жена, или братъ съ сестрою ѣдутъ вдвоемъ на одной лошади: мужчина сидитъ въ сѣдлѣ верхомъ, а женщина позади его на одну сторонку. Но наоборотъ бываетъ въ большіе праздники, когда молодежь катается. Выѣхавъ изъ двора, парни ѣдутъ по улицамъ, а когда найдутъ своихъ подругъ, то сами садятся за сѣдло верхомъ, а дѣвушекъ сажаютъ въ сѣдла передъ собою и, давъ имъ въ руки поводъ, сами, обнявъ, держатъ ихъ. Зимою чаще всего катаются въ пошевняхъ, всегда раскрашенныхъ, съ искусною рѣзбою.

Вообще Бухтарминцы живутъ богато и весело. Большинство изъ нихъ водки не пьютъ, но всѣ пьютъ домашнюю хмѣльную брагу, которую на Уймонѣ называютъ „травянухой“, а на Бухтармѣ „кваскомъ“.

Свойство этого кваску таково, что непривычный человекъ съ одного стаканчика валится подъ столъ. Но Бухтарминцы выпиваютъ его много и не сваливаются. Брага эта выдерживается годами и даже десятками лѣтъ, въ особыхъ боченкахъ, закапываемыхъ въ землю.

Х.

Всѣ ясашные Бухтарминцы старой вѣры, часовеннаго согласія. Вѣру эту они считаютъ пришедшей отъ праведниковъ Соловецкаго сидѣнія и блюдутъ ее не столько по духу, сколько по строгому исполненію обрядностей. Къ такимъ обрядностямъ принадлежитъ, на примѣръ, правило, что съ иновѣрнымъ человекомъ не слѣдуетъ не только ѣсть изъ одной посуды, но и здороваться, а при разговорѣ не должно глядѣть въ лицо. Бракъ съ иновѣрными считается недопустимымъ.

Браки совершаются наставниками—стариками, и весь обрядъ заключается въ чтенія краткихъ молитвъ и публичномъ благословеніи. Вѣнчаютъ всегда очень молодыхъ: парня 17—18 лѣтъ, дѣвицу—14—15 и 16 лѣтъ. Впрочемъ, молодежь на Бухтармѣ развивается и мужаетъ очень рано. Любой дѣвицѣ 14 лѣтъ можно дать 18 и 20 лѣтъ. Очень часто въ жены берутъ дѣвицъ старше жениховъ, чтобы была годная работница. Вообще, при бракахъ обычно соблюдаются три выгоды: чтобы бракъ былъ полюбовный, чтобы молодуха была сильной и здоровой, и чтобы несла съ собою приличное приданое въ видѣ скота, пчель или домашней утвари. За то мужъ не всегда удовлетворяетъ второму качеству. Нерѣдко онъ представляетъ собою слабого отрока, съ которымъ молодая жена возится, какъ нянька. Былъ, на примѣръ, такого рода бракъ. Остался круглымъ сиротою мальчикъ пяти лѣтъ, а домашность въ наслѣдство къ нему пе-

решла большая, и нѣтъ никого родственниковъ. На сельскомъ „вѣчѣ“ и порѣшили его женить. И женили на де-белой тридцатилѣтней вдовѣ, которой и препоручили все хозяйство. Приѣхали волостныя власти описывать имуще-ство, чтобы сдать его въ опеку, и позвали молодуху на земскую. Она пришла и мужа своего на рукахъ принесла. Волостные замѣли это дѣло, не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. А молодуха выростила своего мужа и была ему вмѣсто матери. Впрочемъ, на сорокъ пятомъ году жена умерла, а мужъ женился на второй.

Но очень часто брачатся теперь „убѣгомъ“, т. е. вору-ютъ невѣсту отъ родителей. Это происходитъ по разнымъ причинамъ: или потому, что молодые любятъ другъ друга, а родители не даютъ на ихъ бракъ согласія, или потому, что за невѣсту дорого просятъ, а у жениха нѣтъ лишнихъ денегъ, или же, наконецъ, потому, что женихъ одной секты, а невѣста другой, и на добровольное благословеніе роди-телей нельзя рассчитывать. Въ этихъ случаяхъ передъ тѣмъ какъ свести, т. е. повѣнчать, дьякъ сперва приводитъ од-ного изъ брачущихся въ свою вѣру. По истеченіи нѣсколь-кихъ дней, или недѣль, когда сердца обиженныхъ родите-лей поуходятся, молодые ѣдутъ къ нимъ „прощаться“. ино-гда родители и слышать не хотятъ и клянуть дочь непослуш-ницу, но чаще всего примиряются съ ея выборомъ и, заклю-чивъ мировую сдѣлку, устраиваютъ свадебное пиршество.

Не лишне замѣтить, что изстари ведется обычай не брать невѣстъ въ своей деревнѣ. Объясняется это тѣмъ, что въ своей деревнѣ все больше родственники. Поэтому берутъ въ другой, а въ обмѣнъ отдають въ нее изъ своей. Такъ, напримѣръ, Бухтарминцы вотъ уже около ста лѣтъ поддерживаютъ такія отношенія съ Уймонцами. Уймонскій край находится примѣрно въ 200 верстахъ отъ долины Бух-тармы, и ѣхать туда надо по опаснымъ горнымъ тропамъ, розсыпямъ, альпійскимъ болотамъ и „приторамъ“¹⁾. Однако ежегодно къ Петрову дню туда или оттуда отправляются громадныя кавалькады. Нынче, напримѣръ, ѣдутъ Бѣ-

¹⁾ Дорожка, идущая опаснымъ горнымъ карнизомъ.

ловцы или Язовинцы и Фыкаляне на Уймонъ, а на будущій годъ Уймонцы на Бухтарму. Въ этихъ поѣздкахъ по преимуществу участвуетъ молодежь: мужа съ женами или холостые парни съ сестрами. Картина такой поѣздки чрезвычайно красива. На фонѣ роскошной горной природы вырисовывается длинный пестрый караванъ всадниковъ, ѣдущихъ по узкой опасной тропѣ надъ стремниной. Всѣ въ ярко-цвѣтныхъ нарядахъ, на лучшихъ лошадяхъ, въ роскошныхъ сѣдлахъ: молодые, здоровые, красивые, съ веселой рѣчью и безшабашной удалью, люди эти способны возбудить къ себѣ зависть многихъ изысканныхъ горожанъ. Въ эти то поѣздки и происходятъ новыя браченія или похищенія невѣстъ. Гостей обыкновенно утромъ въ Петровъ день встрѣчаютъ у околицы цѣлой толпою, съ пивомъ, пѣснями и почетнымъ привѣтствиемъ. Бываетъ, что ушедшая замужъ дѣвица съ дороги бѣжитъ обратно. Въ 1911 году, на Уймонѣ, намъ удалось говорить съ такой бѣглянкой. На вопросъ, почему она убѣжала отъ своего новобрачнаго, она отвѣтила лаконически:

„Отъ экого-то ведмѣдя и ты убѣжалъ-ба!“

Дѣйствительно, парень былъ великаномъ въ сравненіи съ молодой и хрупкой дѣвушкой, и она въ первую же ночевку на одномъ изъ „бѣлковъ“ вырвалась изъ его объятій, скользнула къ лошадямъ и, осѣлавъ первую попавшуюся,— была такова. Благо, что рожденную въ горахъ ее не могли задержать ни страшные приторы, ни темная ночь.

Вообще, Бухтарминскій народъ отличается рѣдкой отважностью. Никакія преграды для него не страшны. Чрезвычайную опасность, напримѣръ, представляютъ переправы черезъ горныя рѣчки, однако, люди спокойно перебираются черезъ нихъ и, если придется, отважно гибнуть.

XI.

Всѣ Бухтарминцы живутъ за счетъ природныхъ благъ и занимаются скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, мараловодствомъ, охотой и рыбной ловлей.

Пашутъ почти всѣ безъ исключенія, хотя и по немногу, а такъ какъ на высокихъ мѣстахъ не вездѣ родится пшеница, то сѣютъ овесъ и вымѣниваютъ на него пшеницу у понизовыхъ сосѣдей. Скотоводствомъ занимаются рѣшительно всѣ. Пчеловодствомъ—одна треть всего населенія, а звѣровой промыселъ теперь составляетъ явленіе случайное, между дѣломъ, потому что звѣри на Алтаѣ почти истреблены, какъ истреблена и рыба. Раньше рыбы было такъ много, что брали ее изъ озеръ и рѣкъ, какъ изъ складовъ: пріѣдутъ, въ день нагрузятъ полныя сумы и отправляются обратно, бросивъ не вошедшее въ сумы прямо на берегу. Легко добывался и звѣрь, особенно соболь и бѣлка. Нынче не то, и промыслы на рыбу и звѣря пали. За то особенно развивается мараловодство, которымъ занимаются, впрочемъ, далеко не всѣ, а лишь наиболѣе состоятельные. Интересно, что благодаря мараловодству, Бухтарминцы несутъ большія податныя обложенія, чѣмъ въ иныхъ понизовыхъ волостяхъ, ибо крестьянскіе начальники въ раскладочномъ присутствіи всегда ссылаются на то, что Бухтарминцы богаты, такъ какъ занимаются мараловодствомъ, и, значитъ, могутъ платить больше..

Не лишне сказать нѣсколько словъ о грамотности, которая среди Бухтарминцевъ стоитъ весьма не высоко. Грамотеями являются больше люди, прикосновенные къ Писанію, пишущіе по церковно-славянски и дальше псалтыри не идущіе. Министерскихъ школъ въ перечисленныхъ селеніяхъ нѣтъ ни одной. Есть одна церковная школа только въ дер. Сѣнной, гдѣ есть и православная церковь, но здѣсь много православныхъ жителей, и школьниками являются ихъ дѣти. Въ селахъ Солдатовой и Солоновкѣ есть земскія школы, но одна изъ нихъ, Солоновская, не функционируетъ, потому что командующимъ большинствомъ общественниковъ являются старовѣры, имѣющіе свои школы, которыя представляютъ собою также любопытный сколокъ русской древности. Во главѣ такихъ школъ стоитъ обыкновенно дякъ или наставникъ. Школа помѣщается въ одной изъ его избъ. Дѣти сидятъ на низенькихъ чуркахъ или на доскахъ, лицомъ въ передній уголъ. Передъ ними

на лавкахъ лежать развернутые псалтыри и часословы, и дѣти во весь голосъ твердятъ по нимъ азы или псалмы. Отъ звонкаго общаго крика въ нѣсколько дней можно оглохнуть, но они, стараясь перекричать одинъ другого, твердятъ цѣлыми днями одно и то же. Учитель приходитъ въ избу только въ началѣ дня задать „отселева и доселева“, и вечеромъ отпустить ребятъ. Изба, по обыкновенію, жарко натоплена, такъ что дѣти снимаютъ сапоги и сидятъ босыми, но обязательно въ черныхъ нанбуковыхъ кафтанчикахъ, называемыхъ „подъоболочкой“. Уже къ Рождеству дѣти отъ ужаснаго воздуха, нервнаго напряженія въ зубрежкѣ и усердіи къ наукѣ становятся худыми, желтыми и раздражительными. Учатся такимъ путемъ они по три и по пять лѣтъ, пока не „выйдутъ всю науку“. А выйти всю науку, это значитъ усвоить то, что знаетъ ихъ учитель, т. е. умѣть читать, „какъ рѣкой брести“, псалтырь и часословъ, всѣ молитвы и знать потребное богослуженіе. Дѣтки за науку получаютъ больше натурой: пшеницей, медомъ, масломъ и проч. Знаменитый начетчикъ Асонъ Емельяновичъ Зыряновъ, живущій въ дер. Бѣлой, является какъ бы окружнымъ инспекторомъ по насажденію грамоты, и всѣ богачи края считаютъ великою честью отдать въ науку своего ребенка именно Асону Емельянычу. Асонъ Емельянычъ беретъ дѣтей къ себѣ на житье на цѣлый рядъ годовъ, за исключеніемъ немногихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, и поучаетъ ихъ не только грамотѣ, но и догматамъ старинной вѣры. Самъ по себѣ Асонъ Емельянычъ — большой умникъ, грамотей и толковый расколоучитель. Ему уже около 70 лѣтъ, но онъ еще очень крѣпкій человѣкъ, съ твердымъ характеромъ и большими полемическими способностями. Онъ умѣетъ примирять суетвѣріе даже и съ нашимъ хитроумнымъ временемъ. Асонъ Зыряновъ пользуется въ краѣ издавна большимъ почетомъ и очень популяренъ. Но теперь его ученость и престижъ подверглись сомнѣнію со стороны нѣкоторыхъ его наиболѣе твердыхъ въ старовѣрїи прихожанъ. Онъ повѣсилъ въ Бѣловской часовнѣ колоколъ и паникадило и, кромѣ того, „присоглашаетъ“ всѣхъ стариковъ записаться въ старо-

обрядческую общину. Старики въ этомъ нашли ересь: колоколь лется съ благословенія православнаго архіерея, паникадило является новшествомъ, а „приклоненіе“ въ общину значитъ, что всѣхъ хотятъ „подогнать подъ Антихриста“, стало быть Асонъ измѣнникъ... Жили, молъ, безъ общины и безъ колокола сотни лѣтъ и тако жить будемъ...

Но такихъ протестантовъ немного, такъ какъ всѣ древніе старики одинъ по одному убываютъ, сходя въ могилы, и Асоновы реформы, несомнѣнно, восторжествуютъ. А это уже крупный шагъ отъ каменныхъ скрижалей старины въ сторону уступокъ современности. Если бы и могла сохраниться древне-русская старина, то только подъ броню именно упорнаго протестантства и искренняго религіознаго фанатизма, а такъ какъ для него теперь мѣста на Руси не остается, то естественно, что и старовѣріе должно уступать духу времени и, хотя и въ хвостѣ, но все же тянуться вслѣдъ за самой жизнью.

XII.

Нельзя не упомянуть въ заключеніе объ Алтайской ярмаркѣ, происходящей ежегодно въ Котонъ-Карагаѣ (вѣрнѣе въ ст. Алтайской) и представляющей собою красочную картину изъ жизни Алтайскихъ народовъ.

Ярмарка эта открывается 6 декабря и продолжается двѣ недѣли, какъ разъ въ такое время, когда на южномъ Алтаѣ только что устанавливается санный путь.

Эта ярмарка имѣетъ крупное экономическое значеніе въ краѣ.

Разнаго рода товаровъ: скота, пушнины, сырья, хлѣба и пр. привозится ежегодно на 300—400 т. руб. и почти все находитъ сбытъ. 1911 г. ¹⁾ былъ годомъ неурожая, не было ни меда, ни пушнины, ни хлѣба, однако, оборотъ ярмарки достигъ: привозъ около 300 т. и сбытъ около 200. Пушного звѣря было продано: соболя 100, лисиць 150,

¹⁾ Годъ, проведенный авторомъ въ краѣ.

волка 120, медвѣдя 40, бѣлки 2.500, горностая около 1.000, всего на 12 тысячъ рублей.

Почти все населеніе Бухтарминскаго края сосредоточивается тогда въ Котонъ-Карагаѣ и его окрестныхъ деревняхъ. Съ низовъ, до Семипалатинска включительно, наѣзжаютъ купцы съ мануфактурой и иными фабрикатами, закупаютъ здѣсь сырье, пушнину и жировые товары. Въ свою очередь, киргизы прибываютъ со скотомъ, сырьемъ и мясомъ, а крестьяне съ хлѣбомъ, медомъ, масломъ, льномъ, пушнымъ звѣремъ и прочими товарами своей добычи.

Но самое значительное въ Алтайской ярмаркѣ, это прибытіе кара-кирейцевъ изъ предѣловъ Китайской Имперіи. Караваны вьючныхъ верблюдовъ въ десятки и сотни штукъ представляютъ собою величественную картину. Кара-кирейцы привозятъ сырье, главнымъ образомъ, сырыя шкуры скота и обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ, выдѣланныя кожи, желѣзные издѣлія и мануфактуру.

Общій видъ ярмарки представляетъ чрезвычайно пеструю картину: тутъ и цивилизованный европеецъ и полудикій киргизъ, чиновникъ и мѣщанинъ, казакъ и ясашный, сартъ и бухарецъ, калмыкъ и кара-киреецъ. Словомъ, представители почти всѣхъ племенъ, нарѣчій и состояній великой Азіи собираются сюда въ маленькое пограничное мѣстечко Алтая.

И яркимъ праздничнымъ пятномъ выдѣляются на общемъ фонѣ расфранченные Бухтарминцы. Верхами и на пошевняхъ ѣдутъ старики и молодые, мужчины и женщины. Лошади въ посеребренной сбруѣ, люди въ богатыхъ мѣховыхъ шубахъ, съ широкими шелковыми поясами, въ шапкахъ съ четырьмя углами и въ кашемировыхъ шаляхъ. Когда вечеромъ съ ярмарки возвращаются въ ближайшія деревни крестьяне, дороги отъ Котонъ-Карагая положительно гудятъ отъ лихихъ подводъ, запряженныхъ парами и тройками, и отъ шумныхъ кавалькадъ съ ловкими всадниками. Тутъ же большимъ группами скачутъ киргизы, и тянутся длинные караваны верблюдовъ въ окрестные аулы на ночлегъ. И когда встрѣчаешь краснощекихъ полнотѣлыхъ русскихъ женщинъ и представительныхъ бородатыхъ мужиковъ, пра-

вящихъ ретивыми конями, кажется, что Московская Боярская Русь ожила и благополучно здравствуетъ гдѣ то въ угрюмыхъ колоссальныхъ горахъ иного и вольнаго царства, завоеваннаго рабами, бѣжавшими когда то отъ цѣпей и палокъ.

Но невольно вспоминается, что завоеваніе края не обошлось безъ причиненія тяжкаго ущерба туземному инородческому населенію. Напротивъ, каждый шагъ приносилъ тяжелые удары киргизамъ, которые теперь являются какими-то пасынками въ своей отчизнѣ и, лишеныя земли для своихъ табуновъ, арендуютъ неудобныя земли у Кабинета.

Такимъ образомъ, настойчивый и упорный россиянинъ построилъ свое благополучіе на развалинахъ чужого, но, по злой ироніи судьбы, ему не удастся очевидно торжествовать своей побѣды, такъ какъ переселенческая компанія послѣднихъ лѣтъ разрушительнымъ смерчемъ повисла надъ краемъ и угрожаетъ ему постепеннымъ разореніемъ. Неизбѣжное и окончательное истребленіе лѣсовъ и звѣря, а вслѣдъ за тѣмъ и обмелѣніе красивыхъ и многочисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, являющихся чудотворнымъ кропиломъ этой благодатной страны, несутъ ей въ будущемъ медленное оскудѣніе.

Но Бухтарминскіе славяне, замкнувшіеся въ отжившей патріархальности все еще полны пережитками былого и не знаютъ, что бѣда стоитъ у нихъ за плечами. Они попрежнему вѣрятъ въ Антихриста и Сатану, попрежнему ограждаютъ себя отъ всяческихъ религіозныхъ новшествъ и еретичества и ведутъ почти первобытное хозяйство. Ожидая антихриста въ видѣ страшнаго чудовища съ огненной печатью, они не знаютъ, что бѣда грозитъ имъ не съ этой стороны, а со стороны цивилизаціи, которая постепенно вытѣсняетъ старыя, отжившіе устои, и вытѣснить и ихъ самихъ, если они будутъ упорствовать въ своей косности. Однако, можно надѣяться, что Бухтарминцы, надѣленные природной мудростью, настойчивостью и выносливостью, сумѣютъ, понять необходимость подчиненія неизбежному ходу жизни и сумѣютъ приспособиться къ новымъ

условіямъ. Но, какъ бы то ни было, въ настоящее время жизнь этихъ людей еще полна своеобразной мощи, дѣлающей ихъ совершенно не похожими на приниженнаго и ограниченнаго крестьянина центральной Россіи.

Георгій Гребенщиковъ.

